

ПСКОВЩИНА В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Т.В.Круглова

К истории основания Спасо-Мирожского монастыря*

ОБРАЩАЕТ на себя внимание единодушие исследователей в том, что оригинальный тип Спасо-Преображенского собора и история его строительства связаны с именем Нифонта. Эта уверенность исходит прежде всего из того, что храм упоминается в летописном панегирике 1156 г. (вместе с ладожской церковью Климента) как результат строительной деятельности этого новгородского владыки. Выбор типа храма объясняется тем, что он был активным сторонником прогреческой ориентации русской церкви и выступал против ее русификации.

Но почему, избрав для строительства тип византийского крестово-купольного храма, Нифонт внес в ходе строительства существенные коррективы? Почему величественный и богато украшенный храм возведен не в Новгороде, где размещалась епископская кафедра, а в окраинном Пскове?

Почему псковский храм построен как монастырский, а ладожский как приходской? Почему собор Мирожского монастыря имеет архаичный формат плинфы, в то время как размер кирпича Климентовской церкви, созданной той же артелью и тем же заказчиком, соответствует времени? Ответы на эти и многие другие вопросы можно найти только выяснив **обстоятельства возникновения** монастыря и историю строительства храма на его территории.

Все сведения письменных источников и материалы архитектурно-археологических исследований позволяют с полной долей уверенности приписывать новгородскому архиепископу Нифонту только окончательное возведение Спасо-Преображенского собора и заказ на его роспись, но не инициативу и начальные работы. В отношении последних такой уверенности нет. Как известно, между подготовительными работами (заготовка плинфы и камня, разбивка строительной площадки на местности, закладка фундамента) и завершением строительных работ иногда проходил длительный отрезок времени, в

Круглова Таисия Викторовна - кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Псковского музея-заповедника.

* Окончание. Начало в № 7 - 1997 г.

ходе которого менялись не только непосредственные исполнители, но и заказчики работ. Например, церковь Успения на Торгу в Новгороде была заложена по заказу новгородского князя Всеволода Мстиславича в 1135 г., завершена в 1144 г., когда его уже не было в живых, а новгородский стол занимал его родной брат Святополк.⁴⁶ Правда, подобные случаи нетипичны и были вызваны определенными обстоятельствами: в данном случае изгнанием Всеволода Мстиславича из Новгорода в 1136 г.⁴⁷ и приглашением на княжеский стол представителей других домов (черниговского и ростово-суздальского). Вместе с князем Новгород покинула и строительная артель, ведшая свою историю еще со времен Владимира Мономаха. Прибывшие по приглашению новгородцев Святослав Ольгович и Ростислав Юрьевич своих зодчих не имели, поэтому между 1135 г. и 1142 в Новгороде строительные работы не велись. Оставшуюся без покровителя после смерти Всеволода Мстиславича артель, видимо, унаследовал Святополк Мстиславич, и с его прибытием в Новгород в 1142 г., судя по летописям, работы возобновились.⁴⁸ Изменение архитектурного замысла и архаичный размер плинфы Спасо-Преображенского собора в Пскове свидетельствуют в пользу того, что между начальным и завершающим этапами работ прошел определенный отрезок времени, во время которого мог смениться заказчик. Чтобы прояснить туманную историю этого монастыря, следует поискать предполагаемого заказчика среди исторических лиц того времени.

Если исходить из реальных размеров плинфы, то начало ра-

бот по строительству храма приходится на 20-е гг. XII в., время святительства Иоанна (Попьяна), непосредственного предшественника Нифонта на владычной кафедре. В Новгородской первой летописи сведений об этом архиерее предельно мало. В 1110 г. архиепископ Иоанн пришел в Новгород, а двадцать лет спустя “отвержеся архиепископ Иоанн Новгорода, и поставиша архиепископа Нифонта...”⁴⁹ Причина отставки новгородского владыки и его дальнейшая судьба до сих пор остаются неизвестными. В статье “А се новгородские епископы” Комиссионного списка Новгородской первой летописи младшего извода (середина XV в.) о нем сказано: “Иван Попьян, седев 20 лет, отвержеся архиепископья, сего не поминают”.⁵⁰ Когда имя Иоанна (Попьяна) было вычеркнуто из поминальных списков новгородских пастырей, а память о нем предана забвению, также неизвестно.

Своеобразную интерпретацию судьбы этой загадочной личности предложил В.Л. Янин. Занимаясь некрополем Новгородского Софийского собора, исследователь высказал ряд предположений о судьбе загадочной гробницы неизвестного святителя в Мартирьевской паперти, расположенной под упоминаемой выше фреской с семифигурным “Деисусом”, которая вскоре после погребения была разорена и попорана другой. По мнению В.Л. Янина, около 1144 г. (время исполнения фрески) при новгородском архиепископе Нифонте в этой гробнице был погребен умерший Иоанн (Попьян). В первые же дни святительства епископа Или-Иоанна (1163-1186 гг.) прах его был извержен из саркофага, а сам

саркофаг погран помпезной гробницей умершего Аркадия (1156-1163 гг.), первого избранного всенародно новгородцами архиерея. До Аркадия все епископы присылались в Новгород из Киева. Именно к 1163 г. В.Л. Янин относит отказ от поминания Иоанна (Попьяна), расправу над его останками, редактирование текста новгородской летописи по изъятию сведений о его пастырской деятельности. Причину подобной расправы он видит в том, что Иоанн (Попьян) заявил себя решительным сторонником князя и противником республиканских преобразований.⁵¹

Где же тогда находился Иоанн (Попьян) 14 лет с момента своего отречения до своей смерти? Скорее всего, в одном из монастырей Новгородской земли. Но позднее ни один новгородский монастырь не связывал свою историю с именем этого опального владыки. Может быть, следует поискать его следы в Пскове? Такие следы, действительно, имеются. Здесь не получил распространение запрет на его поминание. Информация об этом новгородском архиерее нашла свое отражение в полных списках псковских синодиков (XVI-XVIII вв.), где имя Иоанна (Попьяна) находится на подобающем ему месте. Эту особенность псковских синодиков отмечал еще В.Л. Янин: оба синодичных извода «пунктуально включают в состав своих перечней имя владыки Иоанна I, т.е. Иоанна Попьяна (1109-1130 гг.), исключенного из поминаний в Новгороде.»⁵² Далее автор пишет: «Существенные расхождения между новгородскими и псковскими пантеонами восходит к последней трети XII в., проявившись наиболее ярко в местной псковской канони-

зации изгнанного из Новгорода в 1136 г. Всеволода-Гавриила Мстиславича».⁵³ К этому времени автор относит отказ псковичей от исключения имени Иоанна (Попьяна) из поминальных списков.

Известно, что в XII в. в Пскове существовали два монастыря, на территории которых были поставлены каменные храмы: мужской Спасо-Мирожский и женский Иоанно-Предтеченский. Возможно, что после своей отставки в 1130 г. уже немолодой Иоанн (Попьян) удалился от суетной жизни в Псков, в основанный им незадолго до этого монастырь. Гипотеза имеет право на существование, т.к. летописные источники дают богатый материал о ктиторской деятельности других новгородских архиереев XII в.: в 1153 г. будущий архиепископ Аркадий «сруби... церковь святых Богородица Успения и *сстави себе манастырь*»; в 1170 г. действующий архиепископ Илья со своим братом Гавриилом, который впоследствии тоже станет новгородским архиереем «*сздаста* манастырь, церковь Богородица Благовещение»; в 1192 г. до своего избрания на владычную кафедру Мартирий (1193-1199 гг.) «срубиша церковь на острове ... въ имя святого Преображения, и *створи манастырь*».⁵⁴ Во всех трех случаях строители храмов выступают ктиторами вновь созданных монастырей. В отношении Иоанна (Попьяна) и Нифонта подобные сведения отсутствуют. Если бы Нифонт был ктитором Спасо-Мирожского монастыря, то Герман Воята, составивший подробную роспись деятельности этого пастыря в новгородской летописи, не преминул бы оставить об этом какие-либо свидетельства. Если и были в

летописи сведения о ктитурской деятельности Иоанна (Попьяна), то они были тщательно изъяты безжалостной рукой позднейшего редактора.

Монашеская обитель могла быть основана Иоанном (Попьяном) в последние годы его святительства, тогда же и были начаты подготовительные работы: поиск месторождений глины, возведение кирпичеобжигательных печей, изготовление формовочной доски, формовка и обжиг плитки, выжигание извести, заготовка камня и древесины, подготовка строительной площадки. Учитывая, что в Пскове все пришлось начинать с нуля, подготовительный период не был коротким, не менее трех-четырёх лет (строительных сезонов). Но основной объём работ по возведению Спасо-Преображенского собора мог быть осуществлён между 1132 г. и 1135 г. Иначе, чем можно объяснить тот факт, что в 1133 г. по указанию Всеволода Мстиславича были поставлены два деревянных храма Успения Богородицы и Георгия на Торгу, если не тем, что его княжеская артель зодчих была занята на другом объекте. В августе следующего года эти храмы в числе десяти других сгорели в огне сильного пожара на Торговой стороне.⁵⁵ Поэтому в 1135 г. Успенская церковь вновь была заложена, только уже в камне, для чего, вероятно, была отозвана строительная артель из Пскова. В результате последующих событий оба храма в Новгороде и в Пскове оказались недостроенными.

В 1137 г. князь и его сторонники не случайно оказались в Пскове: при восстановлении своих позиций они надеялись на поддержку и авторитет человека, кото-

рый около двух десятков лет занимал архиерейскую кафедру. Именно поэтому Псков, который в 1136 г. принимал активное участие в изгнании Всеволода Мстиславича, в 1137 г. превратился в центр оппозиции новгородскому боярству. Иоанн (Попьян), как справедливо заметил В.Л. Янин, занял сторону князя, и этого не смогли простить ему новгородцы, вычеркнув его из своей памяти.

Но в 1142 г. в Новгороде произошли изменения в расстановке политических сил. На княжеском столе оказался родной брат Всеволода Святополк Мстиславич. Первым делом он завершил к 1144 г. строительство церкви Успения. Именно Святополк вместе с Нифонтом (принимая во внимание гипотезу В.Л. Янина) перевезли гроб с покойным Иоанном (Попьяном) из Пскова в Новгород и торжественно похоронили в Мартирьевской паперти, в гробнице с выполненной для этой цели фреской с «Деисусом».⁵⁶ Нифонт, вероятно, после смерти ктитора взял на себя завершение строительных работ в Спасо-Преображенском соборе (с некоторыми корректировками архитектурного облика) и роспись интерьеров, а монастырь, по праву, превратился во владычную резиденцию в Пскове. Все последующие новгородские архиереи XII-XIII вв. останавливались в нём во время своих периодических подъездов (визитов). В Старой Ладге Нифонт ограничился сооружением в 1153 г. владычного храма в честь Св. Климента, взяв за аналогию храм Мирожского монастыря в законченном виде (с достроенными камерами), снабдив постройку нартексом.

В связи с предложенной гипотезой

тезой становится понятной особенность иконографической программы росписи Спасо-Преображенского собора - погребальное назначение некоторых его сюжетов. Об этом писал В.Д.Сарабьянов: "Весьма вероятно, что именно здесь Нифонт предполагал место своего будущего погребения, поэтому нельзя исключать влияние погребального назначения храма на его декоративную программу".⁵⁷ Любопытно, что подобное предположение в отношении Нифонта сделала в свое время В.Г. Брюсова, только речь у нее шла о Мартирьевской паперти: "«Деисус» написан над местом погребения неизвестного архиерея; не исключена возможность, что погребение предназначалось для самого Нифонта".⁵⁸ Вызывает сомнение тот факт, что Нифонт одновременно готовил для своего погребения как гробницу в Мартирьевской паперти, так и Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря.

Но между этими объектами несомненно существовала определенная связь: роспись собора в Пскове и фреска с семифигурным "Деисусом" в Мартирьевской паперти над подготовленной гробницей тесно связаны между собой не только одновременностью исполнения (середина 40-х гг.), единими мастерами, погребальным назначением, общим заказчиком, но и личностью бывшего новгородского архиепископа Иоанна (Попьяна). В основанном им монастыре, где закончились его последние дни, был достроен храм, ставший ему своеобразным мемориальным памятником, а не местом погребения. По решению новгородских властей его останки должны были почтить в Мартирьевской паперти Софийско-

го собора. Но жизнь все рассудила иначе. Несколько лет спустя (1163 г.?) прах покойного владыки был погребен, все сведения о его деятельности были изъяты из новгородской летописи, а память о нем предана забвению. Инициаторы этой посмертной расправы добились своего: сегодня мы ничего не знаем об этом новгородском пастыре.

В Пскове же эта информация об Иоанне (Попьяне) долгое время хранилась в изустном изложении и нашла отражение в полных списках местных синодиков. Агиограф Василий (Варлаам), выполняя официальный заказ на составление Жития Нифонта знал, вероятно, о ктиторийской деятельности его предшественника. Псковские письменные источники обошли вниманием этот факт: подобная информация просто не могла появиться в официальном псковском летописании XIV-XV вв., так как не соответствовала идеям борьбы за политическую и церковную независимость от Новгорода и владычной кафедры.

Таким образом, архаичный размер плинфы, кардинальные изменения в архитектурном замысле, погребальный характер отдельных элементов живописи, отсутствие каких-либо сведений об основателе монастыря, наименование Нифонта строителем собора, пристальное внимание псковских синодиков к имени Иоанна (Попьяна), негативная оценка его личности после смерти в Новгороде, погребенная гробница в Софийском соборе - все эти обстоятельства позволяют предположить, что в истории Спасо-Мирожского монастыря особую роль сыграли два новгородских пастыря XII в., последовательно занимавших архиерейскую кафедру - Иоанн (Попьян) и

Нифонт, но лишь последнему достались победные лавры из-за его последующей канонизации, в то время как имя другого, который

был основателем и первым строителем каменного собора, так и осталось в тени.

Примечания

46. НПЛ. С. 23, 27, 208, 213.
47. Там же С. 24, 209. Среди претензий, предъявленных новгородцами князю, был уход в Переяславль: "чему хотелъ еси сести Переяславли". Покинув Новгород в 1132 г., Всеволод Мстиславич попытался занять там княжеский стол, но был изгнан своими дядьями. Поэтому только князь, а не новгородский архиепископ Нифонт (Вл. В. Седов) мог пригласить в свою артель переяславского мастера.
48. НПЛ. С. 27, 213. Святополк прибыл в Новгород в апреле 1142 г. На третий строительный сезон церковь Успения была полностью готова.
49. Там же. С. 19, 22, 203, 207.
50. Там же. С. 473.
51. Янин В.Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 23-57.
52. Там же. С. 207.
53. Там же. С. 48-49.
54. НПЛ. С. 29, 33, 40, 215, 222, 232.
55. Там же. С. 23, 207-208.
56. Подобную попытку предприняли новгородцы также в отношении останков Всеволода Мстиславича, но это им сделать не удалось. См: Житие князя Всеволода-Гавриила и Слова на обретение его мощей. С. 28-29, 36-39.
57. Сарабьянов В.Д. Программные основы древнерусской храмовой декорации второй половины XII века // ВИЗ. 1994, № 4. С. 282-283.
58. Брюсова В.Г. О содержании росписей XI-XII вв. в Мартирьевской паперти Софийского собора Новгорода // ДРИ. Художественная культура X-первой половины XIII вв. С. 176.

